

ЗЕРКАЛА БЛОКАДЫ

Карина Разухина

УДК: 82.09+82-94.

«Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с.

Mirrors of the Siege

Karina Razukhina

Ко дню снятия блокады Ленинграда в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышла первая книга из серии «Библиотека “Прожито”. Блокада» под названием «“Я знаю, что так писать нельзя”: Феномен блокадного дневника». Она представляет собой результат кооперации многих авторов, от сотрудников центра изучения эго-документов «Прожито» и Европейского университета до разных групп участников, помогавших исследователям подготавливать дневники к публикации. Помимо рассмотрения блокадного дневника как феномена («Что такое блокадный дневник?»), участники проекта видят свою исследовательскую задачу в ответе на вопрос: как именно выживали люди во время страшных дней блокады Ленинграда¹.

1. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 12.

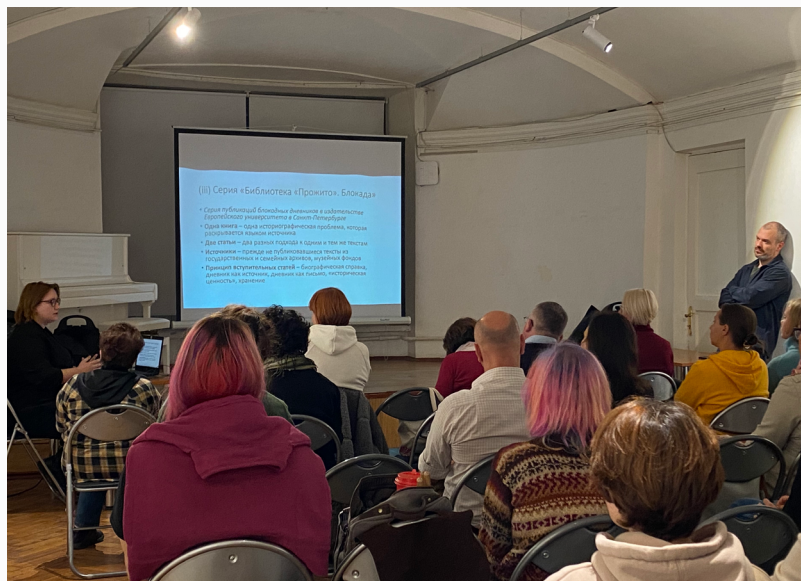
Проблема атрибуции издательских терминов («книга», «сборник») применительно к данному коллективному труду кажется поначалу достаточно неразрешимой, ведь концептуализация замысла книги пока превышает его реализацию (правильнее было бы озаглавить работу как «проект», что подразумевало бы пространство для будущего развития). К моменту публикации книги, за счет усилий работников архивов, музеев, библиотек и исследователей, вносящих свой вклад в историографию блокады, сложилась целая «современная библиотека»², представляющая собой калейдоскоп дневников и воспоминаний. Но их накопление не было бы возможным без открытия доступа ко многим государственным архивам в 1992 году (процесс рассекречивания документов идет до сих пор и с переменным успехом). Помимо архивных материалов, относящихся к работе и функционированию институций, читателю стали доступны личные воспоминания самих ленинградцев, оказавшихся в «пограничной» ситуации между жизнью и смертью. Однако не все документы личного происхождения дошли до массового читателя; многие из них так и остались только в распоряжении исследователей, реконструирующих исторические процессы. «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника» предстает как книга-проводник. Она обеспечивает исторический трансфер между архивом, наполненным «замолчанными» и «потайными» голосами, и современным реципиентом, в чей читательский кругозор теперь могут попасть индивидуальные свидетельства о катастрофе. В этом контексте задуманная серия становится частью культуры памяти и канонизации (процесса восприятия), механизмы которых подробно анализируют в заключительной статье Анастасия и Алексей Павловские.

С момента первой публикации эссе «The Generation of Postmemory» (пер. «Поколение постпамяти») Марианны Хирш прошло около 30 лет³. Принцип передачи особого травматического знания в кросспоколенческой перспективе начал рассматриваться применительно к широкому диапазону материалов (художественные произведения, музейные практики, кинематограф и др.) в последние десятилетия так, что порой достаточно сложно отделить штудии *memory studies* от *trauma studies*. Не вдаваясь подробно в дискуссии сторонников этих направлений (чего не делают и сами составители сборника и исследователи дневников⁴),

2. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада. С. 7.

3. Hirsch M. *The Generation of Postmemory*. URL: [link](#) (07.10.2022).

4. Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 438.

Анастасия Павловская
и Михаил Мельниченко
на презентации книги
«Я знаю, что так пи-
сать нельзя»: Феномен
блокадного дневника»
8 сентября 2022 года.
Фото Ирины Капито-
новой.

скажем, что «Феномен блокадного дневника» является тем самым символическим артефактом, заявляющим о значимости коммеморативных практик сегодня. Почему участники проекта «Прожито» обратились к эго-документам периода блокады именно сейчас, решив разомкнуть границы между двумя медиумами — печатным и цифровым?

Во-первых, память о блокаде является таким же *site of trauma* в коллективном сознании, как и память о Холокосте, лежащая в основе концепта Марианны Хирш. Поощрение и укрепление глобальных исторических нарративов, сравнимое с процессом огосударствления истории, наблюдалось на протяжении всего советского периода и, к несчастью, наблюдается и в актуальном социально-историческом контексте. Многие «места памяти»⁵ инвертируются, начинаются новыми идеологическими смыслами, которым может противостоять лишь индивидуальная память многих «голосов»: личные дневники о трагическом периоде блокады печатаются в данной книге без цензуры, а некоторые из них — с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Несомненно, существует множество изданий блокадных дневников, но, как отмечают Никита Ломагин и Михаил Мельниченко, эта работа «...представляет собой результат несогласованных усилий»⁶, так как принципы издания подобных текстов очень различны. Свою же задачу составители и исследова-

5. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 1999. С. 17–50.

6. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада. С. 7.

тели видят в том, чтобы представить корпус дневников как систему отношений, внутри которой можно усмотреть статистические данные («общее и различное») о степени вовлеченности авторов в «неформальную экономику»⁷ особой блокадной повседневности. Системный подход входит и в саму «проектную» направленность серии «Библиотека “Прожито”. Блокада»; дальнейшие тома, которые авторы планируют издать, будут посвящены определенным историографическим проблемам и структурироваться по тематическому принципу.

Во-вторых, сами редакторы определяют причину обращения к блокадным дневникам через количественные показатели: среди загруженных и размеченных в рамках проекта «Прожито» дневников более чем 2000 авторов, акторы центра обнаружили, что пик написания текстов попадает на 1941–1945 годы: «Больше половины загруженного материала военных лет приходится на дневники жителей блокадного Ленинграда (270 загруженных текстов из почти полутысячи <...>»⁸. Уникальность условий, причины внешние (историческая значимость передаваемой информации) и внутренне (инструмент психологического самосохранения, самодисциплины), а также гендерная сбалансированность (соотношение 45% женских и 55% мужских) позволяют назвать блокадный дневник «феноменом», на который существовал социальный и экзистенциальный «запрос» во время осады города.

Говоря о кооперации многих деятелей, вложивших свои усилия в создание этой книги, отдельно необходимо упомянуть авторов, прочертивших исследовательский контекст вокруг дневника как «знака блокадного»⁹. Среди них — известная поэтесса, филолог и исследовательница культуры блокады Полина Барскова, историк Никита Ломагин, писавший о механизмах выживания людей в блокадном Ленинграде, координатор и редактор проекта «Прожито» Анастасия Павловская и исследователь рецепции блокады Алексей Павловский. У многих авторов есть собственные книги, посвященные аспектам изучения «блокадного»: «Неизвестная блокада» Никиты Ломагина, «Блокадные после», «Блокада. Хрестоматия» Полины Барсковой и др.

Однако «“Я знаю, что так писать нельзя”: Феномен блокадного дневника» ориентирована не столько на привнесение новых методов в рассмотрение блокады как одной из самых трагических

7. Ломагин Н., Мельниченко М. Библиотека «Прожито». Блокада. С. 12.

8. Там же. С. 9.

9. Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа. С. 421.

катастроф XX века, сколько на актуализацию проблемного взгляда на блокадный дневник как особый жанр письма, порождаемый внутри травмы. В этом, по мнению Анастасии Павловской, и заключается уникальность издания и его концепции¹⁰. Принципиально новаторским можно считать отношение к реорганизации архивного пространства: авторы проекта ставят перед собой задачу создания электронного, виртуального архива, соединяющего в себе все блокадные эго-документы. Это не только облегчит доступ к документам всем исследователям и рядовым пользователям, желающим погрузиться в травматическое прошлое, но и позволит найти инструменты для анализа текстов, поскольку архив будет оборудован системой тегов¹¹. Можно сказать, что и первый том является своеобразной гиперссылкой, дающей начальные представления о специфике блокадного письма и побуждающей обратиться к цифровым медиа через печатные, поскольку авторы неоднократно отсылают читателя как к научным работам, так и к самому проекту «Прожито».

По справедливому замечанию Александра Эткинда в статье «Новый историзм, русская версия», в нынешней «интеллектуальной ситуации» масштабно актуализировалось «недоверие к большим историям, радикальным теориям, привилегированным точкам зрения»¹². Первая книга проекта решает еще одну важную задачу: она раскрывает и обнажает перед читателем индивидуальные свидетельства обыкновенных людей, не наделенных какой-либо «каноничной» репутацией. Автобиографичные жанры — достаточно противоречивые формы повествования, поскольку в них по-разному распределяется символический капитал. Дневник традиционно воспринимается как исключительно мужской тип автоповествования¹³, тогда как в блокадных дневниках гендерное распределение нивелируется (их в равном количестве пишут мужчины и женщины). В то же время дневниковые записи известных лиц становятся «видимыми» для читателей и потомков. Так, например, Полина Барскова неоднократно цитирует более знакомые широкому кругу читателей тексты Ольги Берггольц, Евгения Шварца и Лидии Гинзбург.

10. Артёмченко Г. «Это очень сильный артефакт» (интервью с Анастасией Павловской) // Медиапроект «Стол» (*s-t-o-l.com*). 27.01.2022. URL: [link](#) (19.09.2022).

11. Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа. С. 435.

12. Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Журнальный зал. URL: [link](#) (19.09.2022).

13. Лежен Ф. В защиту автобиографии / Пер. и вступ. статья Б. Дубина // Журнальный зал. URL: [link](#) (19.09.2022).

С другой стороны, автобиографическое повествование — это маргинализированный дискурс, «литературность» которого оспаривается на протяжении многих веков, хоть и были предприняты определенные шаги по его легитимации. Представляется чрезвычайно важным, что авторы проекта отменяют «иерархии», сохраняя многообразие. В книге читатель обнаруживает живые свидетельства людей с вариативной социальной, гендерной, идеологической и возрастной ангажированностью. Взгляд на историю, таким образом, перестает быть привилегией, а погружение в катастрофу обеспечивается за счет зеркал, в которых отражаются голоса свидетелей.

Выбранная авторами структура сборника обеспечивает читателю необходимую навигацию по миру блокадного ужаса. Подчеркивая, что «блокадная книга» представляет собой книгу тревог, Полина Барскова в эссеистической манере разбирает механизмы и цели блокадного письма, его нарративные слои и проблематичную позицию адресата. Каждый из семи дневников, расположенных в центре сборника, предваряется справкой об авторе, анализом особенностей повествования, дополнительной информацией о месте расположения эго-документа. Такой базис не просто знакомит читателя с человеком, оставившим свидетельство, но и выводит главного героя из забвения, отменяя анонимность, которой злоупотребляет «большая» история. Письмо блокады начинает «мерцать» разными гранями. Каждый дневник становится индивидуальным «местом памяти» о блокаде города и новым витком речевой, идеологической и этической диалектики: вместе разные точки зрения звучат почти «полифонически» (по Михаилу Бахтину).

Первым читателя встречает дневник театроведа и учителя Александра Бардовского, наполненный «блокадным фольклором» и слухами, которые раздувают фигуру Сталина до романтических масштабов Короля Лира. Бардовский сохраняет двойственное отношение к Советскому государству и идеологии, в то время как Анисим Никулин — управленец, агитатор, могильщик и автор следующего дневника — смотрит на блокадный Ленинград сквозь призму соцреалистического канона. В то же время, его стиль поражает «языковым разнообразием»¹⁴: автор наслаивает друг на друга различные риторические приемы, делая дневник лабораторией агитатора; литературно выписывает ландшафт и быт разрушенного города, представляя себя хроникером. Письмо школьницы Софьи Гутшабаш насквозь гибридно: оно совмещает в себе подневные записи и воспоминания, становящиеся

14. Павловский А. *Управленец, агитатор, могильщик: блокадный дневник Анисима Прокопьевича Никулина (10 января – 7 апреля 1942) // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 129.

дополнением к общим травматическим эпизодам, фигурировавшим во многих подростковых дневниках. Нина Обухова-Духовская наполняет страницы своих тетрадей не только трагическими картинами зимы 1941–1942 гг., но и изображает быт Ленинграда после «смертного времени»¹⁵. Главной особенностью ее эго-письма является описание собственного тела, подвергшегося разного рода деструктивным изменениям. Записи Берты Злотниковой можно назвать характерным творческим примером конструирования блокадной и дневниковой идентичности. «Записки из блокнота» Александра Гришкевича (заведующего сектором печати горкома ВКП(б)) практически лишены ориентации на его собственное «я». Автор литературно вырисовывает перед читателями микроновеллы из бытовой жизни ленинградцев, транспонируя в тексты соцреалистическую риторику. Дневник школьника Володи Томилина — это визуальное свидетельство с перечислением дневного рациона, инкрустированное в книгу графически. Завершается сборник статьей Алексея и Анастасии Павловских, помещающих символ блокадного дневника в контекст современных и советских коммеморативных практик.

Тем не менее смысловая часть первого тома, призванная вписать блокадный дневник в историографическую проблематику и дать импульс к постановке научных вопросов, не лишена точечных изъянов. Рассуждая о нем как феномене, Полина Барскова достаточно подробно анализирует проблему адресата и дневник как историческое свидетельство. Но амбивалентной фигуре свидетеля практически не отводится теоретических рассуждений, несмотря на то что именно она ответственна за создание автонарратива. Этическая двойственность статуса «выжившего» рассматривается в книге Джорджо Агамбена «Номо sacer. Что остается после Освенцима», но на материале рассказов очевидцев, которые пережили иной опыт (пребывание в концентрационном лагере), отличающийся от опыта блокадного человека. Однако, есть нечто общее, что бросается в глаза при соприкосновении с личными дневниками людей, перенесших катастрофу: «В какой-то момент стало очевидным, что принципиальным элементом свидетельства является некий изъян, именно, что выжившие свидетельствуют о чем-то таком, о чем свидетельствовать невозможно...»¹⁶ в силу разру-

15. Никулин А. Дневник (10 января – 7 апреля 1942) // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 141.

16. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: Архив и свидетель / Пер. с итал. И. Левинной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Европа. 2012. С. 9.

шающих последствий травмы, делающих язык заведомо немым. Возможно, этот упущенный аспект станет тем самым исследовательским триггером, побуждающим описать сложный статус свидетеля блокадного дневника. Из этого логически выстраивается вторая проблема, недостаточно освещенная исследователями — текстологическая. Дневники Александра Бардовского и Софьи Гутшабаш пережили несколько редакций: текст Бардовского был снабжен комментариями его жены Али, а Софья дописывала некоторые фрагменты уже постфактум, по воспоминаниям. При этом, ссылаясь на дневники Шварца и Гинзбург, Полина Барскова констатирует, что «...идея одного блокадного дня привела в итоге к записям по памяти <...> при том что линзы этих двух форм письма, двух жанров очень различны»¹⁷.

Несмотря на это, «“Я знаю, что так писать нельзя”»: Феномен блокадного дневника» — очень необходимая настоящему времени книга, влияющая изнутри на культуру памяти и переосмысление исторического прошлого. Проектная направленность серии выведет на свет множество индивидуальных восприятий, позволит самым разным читателям через живое слово погрузиться в трагические дни истории, противопоставит каноническим интерпретациям событий личные голоса, остававшиеся до этого на «периферии».

17. Барскова П. Что осветило зарево пожара: механизмы и цели блокадного дневникового письма // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 21.

Карина Эдуардовна Разухина
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва),
Институт филологии и истории,
магистерская программа
«Классическая русская
литература и актуальный
литературный процесс»
karina.razuhina1301@mail.ru

Karina Razukhina
Russian State University
for the Humanities (Moscow),
Institute of Philology and History,
MA programme in Classical Russian
Literature and the Current
Literary Process
karina.razuhina1301@mail.ru